

Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО

*Православные
духовно-нравственные идеалы
и традиции –
опора российского общества
и государственности*

Материалы XXIV Духовно-исторических чтений
памяти святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия

*700-летию
Преподобного Сергия Радонежского
посвящается*

Томск
2015

**АВТОПЕРЕВОД КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
«СКАЗКА ОБ ИВАНЕ ЦАРЕВИЧЕ И СЕРОМ ВОЛКЕ»
В. А. ЖУКОВСКОГО В ГЕРМАНИИ**

Крупницкая Д.Е., Никонова Н.Е.

Томский государственный университет

«Сказка о Иване-царевиче и Сером Волке» – итоговое произведение В.А. Жуковского в жанре литературной сказки, восходящее к русским сказочным сюжетам. Из шести сказок поэта к русским сказочным сюжетам относятся две – первая («О царе Берендее», 1831) и последняя («О Иване-царевиче и Сером Волке», 1845). Сказка вызвала несомненный интерес у современников, однако немецкой перевод этого произведения, представляющий собой ценнейший материал, до сих пор не получил какого-либо освещения. С.В. Берёзкина в комментарии к четвертому тому «Полного собрания сочинений и писем Жуковского» указывает, что сказка В.А. Жуковского вышла в свет в 1852 году в переводе Юстинуса Кернера на немецкий язык, однако это неверно [1. С. 526]. Ю. Кернер был другом Жуковского, но не являлся переводчиком его творчества. Кернер известен как популяризатор, а также как издатель его сочинений в Германии: в двух из них был опубликован немецкий перевод сказки. Первый, «Ostergabe für das Jahr 1850. Karlsruhe, 1850», объединил литературные опыты Жуковского 1830-1850-х гг. и стал своего рода визитной карточкой поэта в Германии. Известно, что переводчиком сказки выступил приближенный великого герцога баденского Леопольда, видный политический деятель и писатель-историк Георг Генрих Криг фон Хохфельден (Georg Heinrich Krieg von Hochfelden, 1798-1860). Жуковский и Криг тесно общались, результатом проведенных вместе вечеров, очевидно, и стал, выпущенный к празднику Пасхи, сборник немецких стихов. Однако немецкий генерал-майор не являлся единственным и полноправным переводчиком сборника: Жуковский и его жена выполнили для него черновой прозаический перевод стихотворений, которые он, в свою очередь, переложил на язык немецкой поэзии. Поэтический перевод был одобрен русским поэтом, который принимал в процессе переложения сказки на язык немецкой поэзии непосредственное участие.

Второе издание «Das Märchen von Iwan Zarewitsch und dem grauen Wolf von dem russischen Dichter Joukowsky, mit einem Vorwort von Justinus Kerner. Stuttgart, 1852» должно было целостно представить Жуковского при посредничестве хорошо известного широкой публике

издателя и литератора. «Сказка» являлась единственным подходящим для этой цели материалом – как самое крупное из полностью переведенных к тому времени на немецкий язык и самое интересное для иностранной культуры оригинальное романтическое произведение русского поэта. Кернер цитирует в своем предисловии основную часть текста переводчика «Сказки», заключив ее в кавычки. Кроме того, он напрямую заявляет в своем вступительном слове: «Перевод сказки (предназначенный изначально только для узкого круга друзей) выполнен одним из немецких друзей Жуковского, который просил его согласия на дальнейшую публикацию и получил его» [2. С. VII]. Жуковский, по словам Кернера, поделился с ним своим творчеством и, увидев, как тот вдохновился, передал сказку для того, чтобы он мог познакомиться с ней немецкого читателя.

В предисловии ко второму изданию переводчик даёт комментарии к оригинальным и неизвестным для немецкого читателя характеристикам русской сказки Жуковского, перенявшего их, по собственному указанию, непосредственно из уст народных. Национальная специфика сказок наиболее отчетливо проявляется в образах героев. «Поскольку в фольклоре почти отсутствует авторская характеристика персонажа и не развито в такой степени, как в литературе, искусство психологического изображения человека» [3. С. 78], форма имени или прозвища героя призвана выполнять эту важную задачу, компенсируя отсутствие развернутых авторских характеристик и указывая на определяющие черты этого образа как в конкретной сказке, так и фольклорной сказке вообще.

Здесь и таится основная трудность, связанная с переводом имен собственных и прозвищ фольклорного произведения на иностранный язык, сказочная система образов которого не соответствует нашей. В результате того, что сама по себе фольклорная сказка не является самостоятельным произведением, а входит в комплекс, характеризующийся единой системой мотивов и персонажей, легко перемещающихся из одной сказки в другую, нам представляется, что фольклорно-сказочный ономастикон нужно анализировать в контексте конкретной сказки и ее перевода на немецкий язык.

Например, самый характерный персонаж русских сказок Баба-Яга также является амбивалентным, неоднозначным и варьируется от похитительницы и воительницы, воплощающей зло в чистом виде, до дарительницы и советчицы, совершающей множество благих, добрых дел, в чем и заключается её главное отличие от достаточно однобокого образа фольклорной немецкой ведьмы. Своё яркое воплощение этот исключительно отрицательный персонаж получил в пяти десят-

ках немецких сказок братьев Гримм, которые собирали и адаптировали средневековый фольклор, изобилующий женщинами-ведьмами, и опубликовали несколько сборников. Самая известная из сказок о ведьмах – «Гензель и Гретель» («Hänsel und Gretel»), где ведьма ведёт себя намного хуже нашей Бабы Яги. Ведьмами являются также злая королева в сказке «Шестеро слуг» («Die sechs Diener»), волшебница в «Йоринде и Йорингеле» («Jorinde und Joringel»), крестная в «Рапунцелле» («Rapunzel»), мачеха из «Белоснежки» («Schneewittchen») и сказки «Братец и сестрица» («Brüderchen und Schwesterchen») и многих других.

В немецких сказках Баба-Яга замещается нарицательным *Hexe* (в буквальном переводе звучит как «Ведьма») или *Zauberin* (колдунья). В тексте перевода сказки Жуковского также находим однократное замещение: «*Ach du hirnlose Hexe» sprach Iwan zur Zauberin, «zuessen gib mir erst, als dann ein gutes Bett, und lass mich schlafen, hernach esrt fangeanm ich aus zu fragen» («Ах, безмозглая ты ведьма! – сказал Иван-царевич Бабе Яге. – Сначала накорми, напой меня ты, молодца, да постели постелю мне, да выспаться мне дай, потом спрашивай»).*

«Имена собственные в сказках, этимологически имеющие мотивацию, которая не очевидна для современного носителя русского языка, целесообразно передавать методом транскрипции (транслитерации)» [4. С.112]. Так, для среднестатистического современного носителя русского языка не будет ясна внутренняя форма имени Баба Яга, его этимология, поэтому перевод справедливо осуществлен методом транслитерации (BabaJaga), а не методом морфограмматической модификации. «Так, по некоторым сведениям, имя своё она получила от старинного слова «ягать». В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» толкует это слово таким образом: «кричать, шуметь, бушевать, браниться, вздорить, ругаться». Там же можно найти: «Яга – род ведьмы, злой дух, под личиною безобразной старухи» [5. С. 345].

Возможно, этим различием характеров персонажей в немецкой и русской фольклорной традиции и нужно объяснить намеренный отказ переводчика от типичных названий ведьм и перенос имени собственного путем транскрибирования на немецкую почву. Это решение представляется нам оправданным, поскольку позволяет дифференцировать эти, на первый взгляд, аналогичные образы и сохранить аутентичность и непохожесть русской сказочной системы на другие.

Немного иначе обстоит дело с Лешими, которые в немецком переводе выступают то как *Waldteufelchen* (лесные чёртики, дьяволята), то как *Gehörnten* (рогатые), то как *Teufeln* (черти), хотя эти персонажи

похожи лишь отчасти. Русский образ Лешего принято считать сходным с немецкими лесными персонажами (Waldleute, Holzleute) и жителями болот (Moosleute), но в русской сказке Леший скорее объединяет в себе человеческое и животное. Все признаки последнего (хвост, копыта, когти, шерсть и издаваемые им звуки) указывают на его непосредственную связь с потусторонним миром, обнаруживая при этом только внешнее сходство. А внутренняя форма имени, которая в отличие от предыдущего персонажа (Бабы Яги) лежит на поверхности и очевидна даже для современного русского читателя, связывает его с лесом. Исходя из вышесказанного, наиболее удачным нам видится первый перевод *Waldteufelchen*, соединивший в себе оба определяющих аспекта этого образа (связь с лесом и зооморфную природу). При этом немецкий уменьшительный суффикс *-chen* резонно подчеркивает отличие русского Лешего от «злого» черта, ведь в сказке Жуковского эти персонажи наивны, глупы и не представляют для Ивана Царевича никакой опасности.

Понятно, что в именах отражается история народа и особенности его культуры. «Для русских сказок характерно использование имени Иван, заимствованное из греческого языка, в который оно попало из древнееврейского, где имело форму Иоханан. Через религию имя Иоханан (Иоанн) попало не только в русский язык. «Родственником» русского имени Иван является немецкое Иоханнес, Иоганн или Ханс (Ганс). Поэтому для обозначения «простоватого или глуповатого человека» в немецких сказках используется имя Ганс (уменьшительно-ласкательное *Hänsel* (*Hans*)). Если в начале сказки он выступает, как и русский Иван с приложением «дурак», то в конце её герой оказывается самым умным и добрым» [6. С.12].

Все это ему удастся не без помощи преданных помощников (коня Золотогрива, Серого Волка, Бабы Яги) и магических атрибутов, перешедших «по наследству» от Леших (Драчун-дубинка, Скатерть-самобранка, Шапка-невидимка). Именно благодаря им Иван ловко преодолевает все испытания и заполучает в конечном счете Царевну и полцарства в придачу – вот добрый и справедливый конец русской сказки. Похожую историю переживает главный герой сказки братьев Grimm «Золотой гусь» («*Die goldene Gans*»), получающий в финале все блага благодаря статусу новоиспеченного королевского родственника. И все же в помощь немецкоговорящему читателю служит комментарий в предисловии сказки, раскрывающий характерные черты этого героя в системе русских сказок и конкретно в сказке Жуковского:

«Iwan ist ein eigenthümlicher Typus, fromm, kühn, stark, ein trefflicher Reiter, dankbar und gastfrei, dabei aber stets auf seinen Vortheil be-

dacht, ohne lebendiges Rechtsgefühl, zum Betrüge geneigt, und fremdem Eigentum nicht abhold» [2. С. VIII-IX].

(Иван – особенный персонаж, благочестивый, отважный, сильный, прекрасный рыцарь, благодарный и гостеприимный, при этом однако расчётлив, не всегда следует закону, способен на хитрость, но чужого не забирает).

В русском сказочном фольклоре присутствует особенная категория прозвищ, отсутствующая и нетипичная для немецкого и отражающая информацию о принадлежности героя к определенной нации. При передаче имен по формуле «имя + отчество» (Иван Царевич, Клим Царевич, Пётр Царевич, Демьян Данилович, Елена Кассимовна) представляется оправданным применяемый переводчиками сказки метод калькирования с сохранением суффикса «-вич» (Iwan Zarewitsch). Этот приём сохраняет при передаче на иностранный язык родственное отношение с царем, включая признак этноязыковой принадлежности. Тем же самым трансформациям подверглись и Демьян Данилович (Damian Danilowitsch), Клим Царевич (Klim Zarewitsch) и Пётр Царевич (Peter Zarewitsch).

Однако перенасыщение текста подобного рода чужеродными трансформациями, несмотря на то, что они сохраняют признак этноязыковой принадлежности, может вызвать затруднения у иностранного читателя при знакомстве с русской сказкой. В этой связи стоит отметить замену имени и отчества героини именем нарицательным: Ср. *«Меня ему отдай и, получив коня Золотогрива, поезжай вперед с Еленюю Касимовною» – «Du übergibst mich ihm, empfängst das Ross Goldmähne und geh'st mit der Zarewna weiter».*

Также в русском сказочном фольклоре может быть выявлена «особая номинативная категория лексических единиц, занимающая промежуточное положение между именем собственным и нарицательным и называемая «функциональные эквиваленты имен собственных»» [4. С. 187]. Например, *Серый Волк (der Graue Wolf)*, *Щука (Hecht)*, *Жар-птица (Vogel Schaar)*. С нарицательными эту примечательную категорию имен объединяет форма выражения (за исключением написания с заглавной буквы), при этом нетипичной оказывается строгая закрепленность номинации за одним и тем же сказочным объектом на протяжении всего текста, что является определяющей функцией имени собственного. Как подтверждает анализ перевода сказки, метод калькирования является предпочтительным при передаче подобного рода прозвищ.

В предисловии к сказке есть комментарий переводчика, в котором упоминается сказка братьев Grimm, где также повествуется о

Жар-птице: «*Vom leuchten den Vogel Schaar erzählt eines dr Märchen bei Grimm*». В сказке «*Die Kristallkugel*» (Хрустальный шар) речь идет о *feuriger Vogel* (в дословном переводе «огненная птица»), также известна вторая сказка братьев Гримм – «*Dergoldene Vogel*» (Золотая птица), но переводчики предпочли сохранить в тексте транслитерированный русский аналог номинации.

«В фольклорно-сказочном ономастиконе [...] выделяются единицы как аналогичные, так и уникальные (безаналоговые) по своей формальной и семантической структуре. И в том, и в другом случае допускается передача на основе выбора из ряда моделей, но оптимальный выбор переводного соответствия осуществляется не произвольно, а исходя из ряда логических и прагматических оснований» [4. С. 187]. При передаче имени персонажа, не имеющего аналога в принимающей культуре и без ярко выраженной внутренней формы, иначе говоря, мотивации, переводчики сказки использовали метод калькирования. А характеристики, как и в русском языке, оставались выраженными эксплицитно. Ср: *Kochez Bessmertnyj* и *Kotschai der Unsterbliche*.

Также И.Е. Пенская в своём типологическом наблюдении отмечает, что в фольклорных сказках животные и фантастические существа в ряде случаев получают антропоморфные именованья. Однако если русским двучленным единицам такого типа обычно свойственна структура «личное имя + отчество» (Змей Горыныч), то немецкие двучленные единицы могут образовываться лишь по модели «имя + фамилия». В сказке Жуковского Змей становится двенадцатоголовым Змеем «*zwölfköpf ger Drach*».

Специфика поэтики волшебной сказки заключается также в наличии устойчивых поэтических формул: наличие разного рода повторов, параллелизмов, поэтических эпитетов. Сказочные эпитеты характерны тем, что иногда они становятся частью номинации волшебных атрибутов и обозначают таким образом их особенные функции (*Драчун-дубинка*, *Скатерть-самобранка*, *Гусли-самогуды*, *Шанка-невидимка*), а иногда представляют собой слияние объекта с его устойчивым эпитетом (*золотогривый конь* – *Золотогрив*).

Стоит отметить, что в русском тексте сказки имена и прозвища героев обладают внутренней рифмой, а выражается это с помощью различных средств художественной выразительности, что привносит дополнительную экспрессию и красочность в фольклорное повествование. Нам видится, что при переводе на немецкий язык эти единицы не утратили своих поэтических характеристик, ср. *Гусли-самогуды* (*die Orgel «Selbstgesang»*), *Драчун-дубинка* (*der Stecken «Klopfer»*),

Скатерть-самобранка (*der Tischtuch* «Deck=dich»), Шапка-невидимка (*der Hut* «Unsichtbar»). Таким образом, при передаче имен собственных с внутренней рифмой и ритмом переводчикам удалось сохранить не только формальные, но и такие стилистические особенности номинаций, как аллитерация, ассонанс и многосложность.

Помимо этого, интерес представляет способ передачи внешней формы имени. Здесь переводчиками сказки были правомерно использованы искусственные образования со структурами, не характерными для имен героев немецких сказок. При передаче функциональных эквивалентов имен собственных в тексте перевода возникают такие формулы, как «существительное + наречие» (Шапка-невидимка – *der Hut* «Unsichtbar»), «существительное + глагол + возвратная частица» (Скатерть-самобранка – *der Tischtuch* «Deck=dich»).

Особенностью имен героев русских фольклорных сказок являются, как уже говорилось выше, содержащиеся в форме прозвища указания на различные признаки, характеристики, например, магические способности или внешний облик. В немецкий перевод сказки Жуковского Конь Золотогрив переносится путем калькирования как *Ross Golgmähne*. Однако «если прозвище или эквивалент имени собственного имеет аналог в принимающем языке, именующий похожего референта, в ряде случаев следует признать правомерным применение метода онимической замены при условии, что имя собственное, взятое из ресурсов языка перевода, не содержит непосредственного указания на его принадлежность к немецкому языку» [4. С. 187]. Так, русское именование Конь Золотогрив имеет аналоги в немецко-скандинавской мифологии, о чем свидетельствуют следующие строки из предисловия переводчика к сказке:

«Die Zauberrosse und der Hut Unsichtbar sind aus deutschen, aus französischen und normannischen Sagekreisen bekannt, sie können als Belege für die altnormannischen Einwanderungen in Russland gelten. Dahin weist auch das Ross Goldmähne zurück, in welchem sowohl das leuchtende Tagesross Skinfaxi, als auch Odins Ross Sleipnir zu erkennen ist» [2. С. IX].

(Вошебные Кони и Шапка-невидимка известны из немецких, французских и норманнских сказаний, упоминание этих персонажей в русских сказках может служить доказательствами древних норманнских заимствований. На это указывает и Конь Золотогрив, в котором можно узнать Скинфакси, чья огненная грива озаряет весь мир дневным светом и восьминогий конь Одина Слейпнир).

Так, переводчики сказки, указав в комментарии на это соотношение, нарочно не стали отождествлять Коня Золотогрива с узнаваемыми и более привычными персонажами германо-скандинавской мифо-

логии в самом произведении, желая сохранить новизну, образность и неповторимость сказочного характера.

Таким образом, имена собственные фольклорных сказок представляют несомненный интерес в аспекте перевода, что обусловлено наличием специфических категорий номинации с вытекающими из них особенностями на уровне неочевидной для современного носителя русского языка мотивации имени, словообразования и методов поэтической выразительности. Все это представляет трудности при переводе, что подтверждает и анализ текста немецкой сказки: имена и прозвища героев неизбежно подвергаются различным переводческим трансформациям, однако, нам видится, что их семантическая характеристика и внешнее оформление отражены в сказке более чем удачно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. – М.: Языки славянских культур, 2009. – Т. 4. – С. 526.

2. Das Märchen von Iwan Zarewitsch und dem grauen Wolf von dem russischen Dichter Joukowsky, mit einem Vorwort von Justinus Kerner. – Stuttgart, 1852. – S. VII.

3. Кравцов Н.И. Сказка как фольклорный жанр // Специфика фольклорных жанров. – М.: Наука, 1973. – С. 78.

4. Пенская И.В. Имена собственные в русских народных сказках и способы их передачи на английский язык: Диссертация ... канд. филол. наук. – М., 2008. – С. 112, 187.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Сост. Шахматова Н. В. – СПб.: ИД Весь, 2004. – С. 345.

6. Шпилова В. М. Национальные особенности русских и немецких сказок. – Кинель, 2012. – С. 12.